

Попугай (Гарин-Михайловский)

Попугай был красивый, серый. Серый как серый жемчуг, а грудь белая как белый атлас.

Он жил прежде далеко-далеко отсюда, в той стране, где никогда зимы не бывает.

Он жил там с женой, с детками в лесу на берегу моря.

Какой красивый был лес, какое красивое было море!

Особенно, когда садилось солнце.

Тогда точно всё горело: небо, облака, море, далёкие берега.

А потом, когда солнце опускалось в море, сразу становилось темно, очень темно, и не видно больше было ни моря, ни берегов. Небо становилось тёмным, и только звёзды, большие яркие звёзды, светились наверху и как будто слушали, как шумело внизу море.

И так темно было в лесу, и так страшно.

Иногда просыпался какой-нибудь попугай на своём дереве и начинал кричать. И тогда все попугаи просыпались и тоже кричали.

Но опять приходило утро, опять становилось светло, и всем делалось сразу весело.

Попугаи опять кричали, но уже от радости. Они и их детки прыгали по деревьям и хлопали от радости крыльями.

Раз пришёл в лес охотник, разостлал сети, набросал зёрен и спрятался. Попугаи сначала смотрели, а потом слетели на землю и стали клевать зёрна. А когда они захотели улететь назад на деревья, то не могли больше, потому что запутались в сети. И чем больше бились, тем больше запутывались. Пришёл охотник и забрал их.

Кричали бедные попугаи, которых забрали, кричали и те, которые остались в лесу.

Поймали и красивого попугая. И так кричали, как будто плакали — его детки, их мама.

Они провожали его до самого конца леса, прыгая с ветки на ветку, с дерева на дерево.

А красивый попугай сидел в клетке и тоже кричал, грустно смотрел, как будто говорил:

— Прощайте, дорогие детки, прощай, жена. Никогда-никогда я больше вас не увижу.

Охотник принёс попугаев домой, рассадил их по клеткам, научил их говорить и потом продал их.

Красивого попугая купила мама, у которой было трое деток, все девочки. Старшую звали Тото, среднюю Ника, младшую Май.

Все очень любили попугая.

Он сидел в большой клетке — зимой в столовой, летом на террасе на даче.

Попугай сидел на террасе, смотрел на море, на скалы, на деревья и думал о чём-то. То он разговаривал, то свистел, то пел даже.

Он знал много слов и фраз и часто говорил совершенно новые.

Он знал имена всех детей и совсем как мама кричал вдруг:

— Тото!

Тото тогда прибежала из сада, искала маму, но мамы не было. Сидел только попугай, смотрел то в ту, то в другую сторону, наклоняя головку, на Тото и спрашивал:

— Ты кто?

— Ах, ты, попка, всегда меня обманываешь, — скажет Тото и убежит опять в сад.

А попка вытянет шейку и слушает, а потом начнёт свистеть или петь.

Раз наняли нового работника. Он идёт по саду, а попка кричит ему с террасы:

— Ты кто?

Работник говорит:

— Работник! А что?

Попугай очень любил вишни, виноград, семечки, и, когда Майка несла ему в фартучке ягодки, он вытягивал шею и спрашивал:

— Что несёшь?

Кто чесал головку попугая, того он любил; а кто дразнил его, того он не любил; когда видел его, поднимал свои перья, хотел клюнуть, переставал говорить и петь, пока тот человек не уходил.

Больше всех он любил Маечку.

Она приносила ему разные лакомства и говорила:

— Кушай, попочка, а я буду тебе рассказывать про твоих деточек.

Попочка ел и слушал, а Маечка говорила:

— Твои деточки, попочка, здоровые и очень скучают о тебе. Они тебе письмо скоро пришлют, а когда я вырасту, я отвезу тебя к твоим деточкам. Они так удивятся, какой ты стал умный, сколько уже говорить умеешь.

Очень много умел говорить попочка.

Ника часто капризничала и как начнёт, бывало, плакать, так три часа и плакала.

Перестанет совсем уже, мама спросит её:

— Ты, Никочка, перестала плакать?

— Нет, мама, — ответит Никочка, — я отдыхаю только, я сейчас опять начну.

Вот раз, когда Никочка так отдыхала, попугай вдруг говорит:

— Ты, Никочка, перестала плакать?

Даже Никочка рассмеялась. Захочет плакать, вспомнит попугая и только рассмеётся.

А Тото говорила:

— Вот какой умный наш попка: никто Нику не мог отучить плакать, а попка отучил.

Никочка была и самая капризная, и самая большая шалунья. Она всегда очень быстро бегала и падала.

Мама кричала ей:

— Ника, опять упадёшь.

А Ника как раз в то время, как падала, кричала:

— Нет, мама, не упаду.

Раз на террасе никого кроме попки не было, Ника влезла на стул, а оттуда хотела влезть на перила. И наверное бы упала; так как балкон был высокий, то, может быть, и сломала бы себе ручку или ножку.

Вдруг попугай совсем как мама крикнул:

— Ника, упадёшь!

Ника испугалась и соскочила со стула.

А попугай стал смеяться.

— Ха-ха-ха.

Ника увидела, что это попугай её испугал, и говорит ему:

— Нехороший попка, зачем меня пугаешь.

А мама дала попке сахару и говорит:

— Добрый попка, хороший попка, ты умнее моей Ники.

А когда попке становилось скучно, и никого не было около него, он кричал:

— Кто здесь, кто там?

И все дети бежали к нему и кричали:

— Попочка, попа, мы здесь.

А он их передразнивал:

— По-по-чка.

Раз Тото подошла к нему и сказала:

— Попочка, милый, кончилась скучная зима, и мы скоро опять поедем на дачу.

Но попочка был грустный.

— Попочка, что с тобой? — спрашивали детки.

Переехали на дачу.

Попочка было повеселел, но опять загрустил, совсем почти не говорил, слушал, смотрел, опускал головку и молчал.

Прежде он был такой гладкий, шёлковый, а теперь пёрышки его торчали во все стороны, и он часто вздрагивал...

Он стал совсем мало есть.

Раз Майка пришла к нему и говорит:

— Попочка, миленький, ты, наверно, скучаешь о своих детках. Хочешь, я отворю клетку, и ты полетишь к ним?

Вдруг попка захлопал крыльями.

— Он хочет, — сказала Маечка и отворила клетку.

Попка вышел из клетки, замахал крыльями и полетел. Но он больше не мог уже лететь и упал в кусты.

Он стал кричать так жалобно там:

— Кто здесь, кто там?

— Попочка, попочка, — кричали подбежавшие детки.

А он ещё дальше забился в кусты и ещё жалобнее кричал:

— Кто здесь, кто тут?

Когда его поймали и посадили в клетку, он закрыл глазки и замолчал.

— Наверное, он думает о своих детках, — говорила Маечка.

А попка спал и всё вздрагивал во сне.

Ах, ему снилось, что он всё ещё летит далеко-далеко на свою родину, к своей жене, деткам. Вот и на родине.

Какое прекрасное утро, туман встаёт над морем, в лесу просыпаются птички, и он уже видит своих старых друзей.

Он торопится, так много надо рассказать ему.

— Ах, слушайте, слушайте вы все мою горькую историю, слёзы сами польются из ваших глаз. Ведь я буду вам рассказывать о пропавшей моей молодости, о длинных годах моего плена, тоски, моего горя...

И всю ночь бедный попка бился и вздрагивал.

А на другой день утром, когда детки проснулись и пришли на террасу пить молоко, попка лежал уже мёртвый в своей клетке.